

Н.В. КОВОИЦЫНА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ЧЕШСКИЕ ЦЕННОСТИ ПЕРИОДА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Abstract:

Korovitsyna N.V. *Czech values of the liberal transformation period*

The author analyses dynamics of value system changes in the Czech Republic after 1989. The attention is given to the three revolutions – consumerist, demographic and spiritual – which constitute the basis of national mental changes.

Ключевые слова: Чехия, система ценностей, либерализация, вестернизация, социокультурная динамика.

В обществах восточноевропейского типа после 1989 г. произошли важные перемены в ценностных системах населения, базовых мировоззренческих представлениях и взглядах, соответствующих новым культурным, идеологическим ориентациям и социально-экономическому климату. Десятки исследований ценностей, проведенных в Чехии на рубеже XX и XXI веков, позволяют представить реальные направления долговременного развития общества, динамику его сознания.

В целом отличительной чертой динамики ценностных структур чешского общества в период с 70-х годов прошлого века до наших дней является значительная стабильность. Во главе их иерархии находятся ценности, связанные с семьей, спокойной и безопасной жизнью. Напротив, несмотря на некоторые подвижки, инициатива, знание, самовыражение и общественное участие постоянно оказываются в нижних частях этой иерархии. Чешское общество в последнюю четверть века не отличалось особой ценностной дифференциацией по социально-демографическим показателям, хотя ее уровень с 1970-х годов поныне, а особенно после 1989 г., возрос¹. Возраст выступает в качестве главного дифференцирующего ценности фактора. Если в 1980-е годы люди с высоким доходом больше ценили семью, ныне ситуация прямо противоположная. Снижается влияние различий в образовании на культурную дифференциацию.

Ценностные сдвиги периода социализма 1970–1980-х годов демонстрировали важность здоровья, семьи, мира, друзей; по другим источникам наиболее предпочтительными являлись спокойная семейная жизнь, конформизм и бесконфликтность². Согласно

первому наиболее репрезентативному исследованию 1984 г., во главе системы ценностей оставались семья и близкие, труд, а особенно покой и безопасность. К числу же наименее предпочтительных относились ценности самостоятельности в трудовой деятельности (предпринимательства, руководящих позиций), религиозности, общественного влияния и участия. До 1989 г. в чешском обществе был глубоко укоренен тип личности, замкнутой по отношению к внешнему миру, полагающейся на себя, скромной, необщественной, склонной к минимизации конфликтов и рисков³.

Культурная динамика периода 1984–1990 гг. показала ошущаемое снижение значения ценностей, связанных с семьей⁴. В эти переломные для системных сдвигов либерального типа годы снизилась ценность скромной и экономной жизни, связанной только с семьей и детьми, но и активностью в сфере общественного развития. Наибольший рост произошел в ориентации на предпринимательство, заработка, жизнь для себя и по собственным понятиям, независимо от общества. Особенно возросло значение ценностей индивидуалистических, самовыражения, успеха и богатства. Возросла ориентация на качество жизни, профессиональную самореализацию и предпринимательство.

Исследования Центра изучения общественного мнения (ЦИОМ) в период 1990–2014 гг. продемонстрировали относительное постоянство наиболее важных для чехов ценностей, связанных с семейной жизнью: ценность семьи по сравнению с другими европейскими странами в течение всего рассматриваемого периода оставалась на очень высоком уровне⁵. Также стабильны были и последние в иерархии две ценности – проведение политики партии и жизнь в соответствии с религиозными принципами. В то же время произошли некоторые структурные сдвиги, одним из важнейших среди которых было снижение значения труда в формирующемся потребительском обществе и увеличение его веса как источника высоких зарплаток, а также сокращение значения участия в развитии демократии в обществе. Вместе с тем возросло значение следующих ценностей: иметь какую-нибудь работу, друзей, которые могут быть полезны, приятно проводить время, иметь время на собственные интересы, жить интересной, увлекательной жизнью, обладать красивыми редкими вещами⁶. Основная часть перечисленных сдвигов датируется 1999–2004 гг. – временем создания фундамента современного чешского общества как капиталистического, вестернизированного в восточноевропейской версии.

Вместе с тем последнее исследование ЦИОМ 2014 г. показало, что в нижней части иерархии ценностей «маленького чеш-

ского человека» оказались не соответствующие западному типу культуры ценности: владение собственной фирмой, хорошая информированность о событиях в стране и мире, участие в развитии демократии в обществе, достижение значительного социального положения, руководящие позиции. Вес этих ценностей в предстоящие три года продолжал понижаться.

В настоящее время в иерархии ценностей чешского населения семья остается на самом верху: она не важна только для 3% населения, а для 4/5 очень важна. Хотя семья по-прежнему лидирует, ее значение за период общественной трансформации сократилось. На втором месте теперь ценности ближайшего социального окружения (друзья и знакомые). Затем следует свободное время (предпочтения, связанные с гедонизмом и внеуродовыми ориентациями, развлечениями), только на четвертом месте труд (даже несмотря на появление и рост безработицы), и с большим отрывом от всех основных ценностей политика (второе после труда снижение значения) и религия, которые неважны для 80% населения. Прогнозируется, что в будущем ценности семьи и труда останутся по-прежнему высокими, но они будут и далее вытесняться ценностями свободного времени, а также друзей. Основой чешского общества является не гражданское сотрудничество, а частные связи – родственные, дружеско-соседские, трудовые⁷. Значение друзей и свободного времени будет расти и за счет долгосрочно низкого и понижающегося значения политики и религии⁸.

Параллельно сдвигам в системе ценностей в период либеральной трансформации произошла серия изменений в жизненных ориентациях чешского населения. Наибольший долгосрочный рост с начала 1990-х годов зарегистрирован в сфере доминирующих гедонистических ориентаций. Гедонизм, неотделимый от индивидуализма, характерного для 75% населения, – две главных ориентации в современной Чешской Республике. Несмотря на процессы перехода от социализма к капитализму возросли равнозначные ориентации у более 70% населения, утверждающего, что различия в доходах должны быть уменьшены. За последние годы усилилось значение и ксенофобных ориентаций чешского общества. Это общество, явно отрицающее иностранное: свыше половины населения соглашается, что «иностранцам в нашей стране должна быть запрещена всякая политическая деятельность». Усилились также конформистские ориентации. Напротив, снизилась важность либеральной ориентации: предпочитали свободу благосостоянию и безопасности теперь около 60% опрошенных, что на 10% меньше, чем в середине 1990-х годов⁹. В чешском об-

щество существует особая форма либерализма, основанная на индивидуализме, свободе и замкнутости по отношению к внешним обстоятельствам, всему чужому и отличному. В меньшей степени по сравнению с либералами уменьшилось число сторонников эгалитаристских воззрений: по мнению половины опрошенных, «проблемы граждан должно решать прежде всего государство, а не сами граждане». Стремление взять судьбу в собственные руки сейчас не популярный лозунг в ЧР. Очевидно, в частности, за счет роста нигилизма и фатализма снижалось значение и так слабо распространенных в чешском обществе – одном из наиболее секуляризованных в мире – религиозных, трансцендентальных и духовных ценностей, как и ценности политики – более ощутимо, чем в других европейских странах. Последнее представляет собой вторую, наряду с нарастанием гедонизма, тенденцию, особо ощутимую в современном чешском обществе.

Доля людей, постматериалистически ориентированных, составляла в Чехии около 10%¹⁰, она чуть возросла в 1990-е годы, в отличие от других (кроме Словении) обществ восточноевропейского типа, где шок от перехода к капитализму был более выраженным. Движение чешского общества к постматериализму теперь ставится под сомнение¹¹. На сравнительном европейском фоне отличие чешского общества особо ощущалось у ценностей религии, а также семьи, свободного времени и политики. Кроме того, чешское общество – менее открытое к переменам и универсалистское, более консервативное по сравнению с западноевропейским, хотя и превосходящее по этим показателям остальные восточноевропейские общества. В целом неолиберальная эволюция ценностных структур чешского общества не ведет к укреплению тех ее компонентов, которые способствуют развитию открытого общества. Для чешского общества характерно явное отрицание религии, политика и общественное участие традиционно ранжируются здесь очень низко. Для чехов особенно типично противоречие между словом и делом, т.е. между вербальным выражением склонности к свободе, либерализму, необходимости каждому позаботиться о себе и фактической долгосрочной тенденцией к отрицанию всего чужого, к требованиям традиционализма, уравнительности и патернализма.

Ценностные сдвиги периода перехода от социализма к капитализму и вестернизации обусловлены тремя важнейшими революциями: потребительской, демографической и духовной.

Концом 1990-х годов датируется появление в ЧР живущего сегодняшним днем «homo oeconomicus» потребительского об-

щества. То, что произошло в начале первого десятилетия 2000-х годов, можно назвать историческим системным изменением – капиталистической революцией, когда предприниматель стал ключевой фигурой общества¹². Этому предшествовало удвоение во второй половине 1990-х годов, прежде всего за счет рабочего класса (сокращение его – главный тренд всего периода трансформации), численности нижнего класса по самооценке чешского населения. Финансовый фактор стал главным в мотивации трудовой деятельности, его упомянуло около 90% опрошенных, как и в других вышеградских странах (в странах северо-западной Европы – 68%). В 1991–1999 гг. произошло существенное уменьшение важности, придаваемой социальным и самореализационным аспектам труда в ЧР за счет увеличения экономических¹³. Особенно снизилась общественная значимость труда. Доля людей, соглашающихся с тезисом «работа – обязанность перед обществом», в ЧР ниже, чем в странах Западной Европы и вышеградских¹⁴.

Изменение в положении труда в иерархии ценностей связано со снижением его значения как источника социальных контактов и пространства самореализации, усилением его функции источника существования и создания условий деятельности в свободное время¹⁵. Ощутимый дисбаланс между трудом и свободным временем усилился между 1997 и 2005 гг.: падение интереса к труду было разительным. В те же годы сократилась удовлетворенность трудом (в ЧР она ниже, чем в западноевропейских странах), особенно среди профессионалов. Кроме того, ровно треть чехов считает, что если ставить цель заработка денег, не всегда можно быть честным. Еще четверть века назад в чешском обществе был распространен принцип: «кто не крадет, тот обворовывает свою семью». Теперь наименее честны в экономической сфере молодые мужчины с высшим образованием, предприниматели, живущие в Праге, т.е. самые преуспевающие слои общества. Недоверие к экономическим институтам тесно связано с недоверием к политическим структурам и функционированию демократии в стране¹⁶.

В довольно короткий период произошли резкие общественные перемены, когда ценность прибыльной работы и комфортабельной жизни возросла за счет зеркального падения ценности интересной работы (количество работавших лишь столько, сколько требовалось, в 1997–2005 гг. удвоилось¹⁷), а также общего образования¹⁸, деятельности по месту жительства и поддержки демократии. Расцвет массового потребления проявился в возникновении многочисленных супермаркетов и гипермаркетов в городах с более 50 тыс. жителей (хотя 4/5 жителей высказывались против

их строительства), интенсивной индивидуальной покупательской активности, достигавшей рекордных уровней во время летних отпусков и рождественских сезонов – вплоть до конца 2008 г. Лишь после 1990 г. восточноевропейский регион по-настоящему превратился в потребительское общество и общество свободного времени. Заговорили и о потребительской революции в странах региона. В результате изменился весь социокультурный ландшафт посткоммунистических стран. Население Чехии и соседних стран с большим энтузиазмом погрузилось в потребительское общество, отличительными чертами которого стали индивидуализация (например, молодежь стала откладывать брак и основание семьи или отказываться от них), деморализация и материализация¹⁹. Лозунг новой морали – «каждый сам за себя» – противоречит преимущественно коллективистским, уравнилельным, этатистским, консервативным основам чешской культуры. Чешское население стало одним из наиболее ярких примеров, подтверждающих и другой лозунг общества потребления, – «я то, что я покупаю», ставший предпосылкой превращения консюмеризма в новую народную «религию», замещающую традиционные религиозные формы.

На динамику ценностей огромное влияние оказала демографическая революция или второй демографический переход, изменивший отношение людей к семье, когда заключение брака в соответствии с христианским учением, его социальной этикой перестало считаться необходимым шагом, предшествующим совместной жизни супругов, и в большинстве случаев сопровождалось только появлением у них детей. Чешское и в целом восточноевропейское общество невидимые сдвиги в поведении людей охватили в самом конце прошедшего столетия как результат и центральное событие либеральной трансформации. Демократическая революция предшествовала демографической, поразительной по скорости и глубине, но не особенно благоприятной для судеб общества. Начавшиеся с «бархатной» революции процессы оказали значительное влияние не столько на индивидов, сколько на семьи. Однако чешская семья не прошла те же стадии развития, что западная, их структура и динамика перемен различны²⁰.

В социалистический период восточноевропейская семья, особенно чешская, была «законсервирована», ее традиционные формы получили широкое распространение в 1970–1980-е годы. Тем быстрее произошли в регионе сдвиги в брачности и рождаемости в конце XX в. Младшее поколение чехов вернулось к западноевропейской модели семьи, существовавшей в стране в досоциалистический период. Число браков в период между 1990 и 2003 гг.

сократилось наполовину и достигло низшего со времени окончания Первой мировой войны уровня. Важной предпосылкой послужил распад связи жизненной удовлетворенности с супружеской жизнью. Вместе с тем поразительно низка степень толерантности чешского населения к незарегистрированным бракам (около 60%), мало отличающаяся от этого показателя в католических Польше и Ирландии. Время, которое чешская женщина проводит дома с ребенком, превышает по продолжительности все страны Европы, является мировой редкостью²¹. Кроме того, во всех посткоммунистических обществах (кроме восточногерманского) существует намного более высокая, по сравнению с западными, поддержка традиционного распределения гендерных ролей в семье, в Чехии достигающая более 40%, в том числе в молодом поколении. Т.е. чехи как представители малого народа, заботящиеся о его самосохранении в изменчивом мире, остаются очень консервативными в демографическом отношении, несмотря на длительную высокую профессиональную занятость женщин.

Ухудшение экономического положения нижних слоев общества привело к падению рождаемости намного ниже уровня воспроизводства населения. Свободное материнство становится важной стратегией улучшения материального положения малообеспеченных и малообразованных слоев. Это к тому же наиболее либерально ориентированная группа чешского общества, без развитого критического мышления. Скептические по отношению к либеральной риторике СМИ высокообразованные слои общества обладают наиболее консервативным отношением к семье и браку²². Хотя второй демографический переход в ЧР считается фактически завершенным, взгляды людей на семью и брак меняются гораздо медленнее, чем реальное поведение, и это значительно отличает чешское общество от западноевропейского, особенно в области поддержки консервативной модели семьи и признания значения брака и детей для полноценной жизни человека. Что и способствует сохранению положения семьи во главе ценностной иерархии поныне.

Чешская культура – одна из наименее религиозных в мире. «В Чехии еще со времен гуситских войн и поражения на Белой горе в 1620 г. преобладает сильное антиклерикальное чувство»²³. Специфику чешского исторического опыта составили массовый уход от католической церкви и неспособность достаточно слабой протестантской церкви заполнить образовавшийся вакуум²⁴. Поэтому чехи – «наиболее антирелигиозный народ»²⁵, хотя считается, что они антицерковны по привычке, а не из атеистических убеж-

дений. Атеистический характер чешского общества усилился в период социализма, однако, по имеющимся данным, членов католической церкви в 1950 г. было 6%, а в 1970–1980-е годы – около 40% населения²⁶. «Религиозное оживление» датируется концом 1980-х – началом 1990-х годов. Но значительное снижение доверия церквям произошло уже между 1991 и 1993 гг. и затем продолжало уменьшаться во всех отношениях, кроме «моральных проблем и потребностей индивида». Доверие церквям в стране находится на очень низком уровне, конкурировать с ними в этом отношении могут только политические партии. Огромный потенциал общественного интереса, открывавшийся в период «бархатной» революции перед христианскими церквями, они не смогли реализовать, престиж католической церкви снижался, и они утратили популярность. Спустя несколько лет после революции чешское общество наполнили десятки новых религиозных течений, связанных с нелегальными традициями коммунистического прошлого, в большинстве своем – импортом из-за границы или духовными поисками отечественных представителей.

В Чешской Республике существовало сильное социальное сопротивление возврату религиозности, и среди значительной его части утвердился «народный атеизм»²⁷. В результате, если доля атеистов или по крайней мере людей без вероисповедания в 1991 г. составляла 40%, то уже десятилетие спустя – почти 60%²⁸. Декларируемый атеизм в чешском обществе, по сравнению с 1990-ми годами, значительно усилил свои позиции, нарастала доля людей, идентифицирующих себя как убежденных атеистов и отрицающих какое-либо представление о Боге²⁹. В этот период по мере снижения членства в традиционных церквях росло число приверженцев малых церквей, особенно евангелического типа, увеличившееся в этот период в некоторых из них втрое. В целом доля традиционных верующих, регулярно посещающих богослужения и принимающих учение христианских церквей, составляет уникальный показатель – всего 10%. Только каждый десятый чех верит, что Бог существует. Это самый низкий показатель в регионе, сопоставимый, но превышающий аналогичный показатель в Восточной Германии и Эстонии. Причем только 4% чешских католиков считаются «истинными христианами», что объясняет положение религии в конце иерархии системы ценностей в стране³⁰.

В условиях подъема индивидуализма, материализма и потребительства основным течением в религиозности чешского населения стал рост альтернативной, внецерковной духовности, веры не в Бога, а в ясновидящих, целителей, амулеты, сверхъестественные

явления, гороскопы, в магию, оккультизм, астрологию и проч. Свершилась подлинная духовная революция, приведшая не к секуляризации, а к детрадиционализации веры, смене типа религиозности, в том числе среди высокообразованных слоев населения. Чехи отвергают традиционные религиозные системы и организованную религиозность, склоняясь к вере, как они считают, ориентированной на человека.

Картина динамики ценностей чешского общества после 1989 г. соответствует наполненному радикальными сдвигами четвертьвековому периоду национальной истории, больше напоминающему трансформационный кризис – социальный и культурный. Вместе с тем конкретный анализ характерных для страны общественных, духовных процессов нередко демонстрирует их сохраняющийся традиционализм, отличие от аналогичных процессов в западном мире, а также от целей евроинтеграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Values, stratification, transformation. Plzeň, 2012. S. 192.

² Inventura hodnot. Výsledky sociologických výzkumů ve společnosti České republiky. Praha, 2009. S. 281.

³ Slejška D. Vývojové procesy lidských hodnot. Praha, 1990. S. 71–72.

⁴ Inventura hodnot. S. 179.

⁵ Česká republika – trendy, ohrožení, příležitosti. Praha, 2009. S. 209.

⁶ Tuček M. Jaké hodnoty jsou pro nás důležité – červen 2014? // Tisková zpráva CVVM SU AV ČR. 17. července 2014.

⁷ Češi na cestě za svojí budoucnost. Budoucnost a modernizace v postojích a očekávaních obyvatelstva. Praha, 2003. S. 76.

⁸ Ibid. S. 146.

⁹ Inventura hodnot. S. 244.

¹⁰ Česká republika – trendy, ohrožení, příležitosti. S. 204.

¹¹ Values, stratification, transformation. S. 447.

¹² Večerník J. Czech society in the 2000s: a report on socio-economic policies and structures. Prague, 2009. S. 94.

¹³ Mareš P. The Czechs: jobs and work. // Sociologický časopis/ Czech sociological review. 2001. Vol. 9. S. 77.

¹⁴ České hodnotové proměny 1991–2008 (European value study). Brno, 2010. S. 128.

¹⁵ Kultura v krajích České republiky. Praha, 2012. S. 213.

¹⁶ Hodnoty, postoje, chování. Praha, 2013. S. 94.

¹⁷ Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha, 2010. S. 112.

¹⁸ Socioekonomické hodnoty, politiky a instituce v období vstupu České republiky do Evropské unie. Praha, 2006. S. 103.

¹⁹ Večerník J. Op. cit. S. 230.

²⁰ Подробнее см.: *Коровицына Н.В.* Традиционная семья в Чехии: социальные и культурные вызовы после 1989 г. // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. М., 2014. С. 232–240.

²¹ *Kde to ladí, a kde skřípe: slad'ování práce a péče v mezinárodní perspektive*. Praha, 2012. S. 53.

²² *Sňatek a rodina: zájem soukromý nebo veřejný*. Praha, 2006. S. 15.

²³ *Socioekonomické hodnoty, politiky a instituce v období vstupu České republiky do Evropské unie*. S. 230.

²⁴ *Hamplová D., Řeháková B.* Česká religiozita na počátku 3. tisíciletí. Praha, 2009. S. 31.

²⁵ *Nešpor Z.* Příliš slabé ve víře. Česká ne/religiozita v evropském kontextu. Praha, 2010. S. 7.

²⁶ *Hamplová D., Řeháková B.* Op. cit. S. 31.

²⁷ *Socioekonomické hodnoty, politiky a instituce v období vstupu České republiky do Evropské unie*. S. 231.

²⁸ *Nešpor Z.* Op.cit. S. 102.

²⁹ *České hodnotové proměny 1991–2008*. S. 58.

³⁰ *Individuals and households in the Czech Republic and CEE countries*. Praha, 2010. P. 184.